

ПРЕЛЮДИЯ

Почти два столетия назад молодой шотландец по имени Чарльз Маккей одновременно и красочно напал на подданных Бога и мамоны. Рожденный в 1814 году, он сделал выдающуюся литературную карьеру, получил признание как популярный поэт, автор баллад, корреспондент и редактор британских газет времен гражданской войны в США. Но потомки запомнили его прежде всего за сочинение 1841 года (автору едва исполнилось двадцать семь лет) под названием «Мемуар о необычайно распространенных заблуждениях»; в этом тексте приводилось множество исторических эпизодов массового безумия, религиозного и финансового¹. С тех пор книга Маккея переиздается регулярно.

Автор скрупулезно излагал хроники религиозного безумия, которое охватило Европу накануне 1000 года от Рождества Христова — в ожидании конца времен, — и не оставлял без должного внимания поразительное религиозное исступление времен крестовых походов. А самые известные главы книги подробно описывали финансовые махинации и приступы самообмана в период голландской тюльпаномании 1630-х годов* — наряду с двойным бир-

* Ажиотажный спрос на луковицы тюльпанов, вызванный тем, что в торговлю такими луковицами (точнее, фьючерсами — контрактами на их приобретение в перспективе — на них) вступили непрофессиональные спекулянты; перегретый рынок рухнул в 1637 г., и одним из следствий краха было надолго установившееся в обществе неприятие биржевых игр. Эта история подробно описана в книге Ч. Маккея. — *Примеч. перев.*

жевым пузырем в Париже и Лондоне в 1719–1720 годах*. Эти эпизоды, изложенные Маккеем в первых трех главах, и принесли его книге долгую славу**. После первого издания «Мемуара» финансовые мании обуревали общество столь часто, регулярно и обширно, что и спустя почти два столетия после написания эта книга по-прежнему считается важнейшим пособием для профессионалов в области финансов².

Маккей, конечно, далеко не первым осознал заразную природу человеческой иррациональности. Рассмотрим, например, следующий отрывок из Геродота³:

«Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай — царь всего»***.

Да, эллины, то есть древние греки, были интеллектуалами античности, и Дарию, похоже, было приятно унижить этих зазнаек, похвалявшихся своей риторикой. Его невысказанное послание грекам звучало так: пусть вы наиболее образованный народ среди всех людей, но вы такие же иррациональные, как и все мы; вам просто лучше удается объяснять, почему, несмотря на все доказательства обратного, вы в чем-либо правы.

* Об этой мании см. в основном тексте книги (гл. 3). — *Примеч. ред.*

** Позднее книга выходила под названием «Мемуар о чрезвычайно распространенных заблуждениях и безумствах толпы», а сегодня на нее чаще всего ссылаются как на «Распространенные массовые заблуждения». — *Примеч. автора.*

*** Перевод Г. Стратановского. — *Примеч. ред.*

Люди античности, как и сам Маккей, были хорошо осведомлены о человеческой иррациональности и расхожих маниях, однако они не могли установить точных биологических, эволюционных и психосоциальных источников этих маний. Маккей, например, наверняка должен был задаваться вопросом, почему людские группы время от времени соблазняются одними и теми же смехотворно выгодными иллюзиями.

Сегодня мы гораздо лучше понимаем, как это происходит. Во-первых, экономисты установили, что люди интуитивно рассчитывают на крайне высокие и крайне редкие прибыли, скажем, приобретая лотерейные билеты, покупка которых обыкновенно означает потерю денег, но которые прельщают многих химерой невообразимого богатства. Кроме того, за последние десятилетия нейробиологи сумели описать базовый физиологическо-психологический механизм, лежащий в основе алчности и страха, — речь о так называемой лимбической системе, расположенной вблизи вертикальной плоскости, что разделяет правое и левое полушария мозга. Симметричная пара структур лимбической системы, иначе говоря, прилежащие ядра, находится, соответственно, за обоими глазами, а другая пара, миндалевидные тела, примыкает к вискам.

Используя функциональную магнитно-резонансную томографию (ФМРТ), исследователи обнаружили, что прилежащие ядра активируются посредством фактического вознаграждения, но и, причем куда интенсивнее, в ожидании награды, будь та кулинарной, сексуальной, социальной или финансовой. А вот миндалевидные тела порождают отвращение, страх и неприятие. Если, к примеру, вы обожаете лазанью своей тетушки Фло, ваши прилежащие ядра и их связи будут активироваться быстрее по пути к ее дому, а предвкушение, вероятно, достигнет пика, когда вы уловите аромат свежеприготовленного блюда. Но уже после первого куса возбуждение начинает утихать, а если тетушка еще скажет, что лазанья, увы,

подгорела, то ваши позитивные ожидания почти полностью рассеются⁴.

Преимущества активной схемы упреждения выглядят очевидными; Мать-природа благосклонна к тем, кто предвкушает и стремится к цели, тогда как удовольствие от насыщения, однажды обретенное, сулит мало эволюционных перспектив. Сильнее прочего прилежащие ядра стимулируются, пожалуй, знанием о том, что некоторые из людей вокруг нас без видимых усилий становятся богатыми. Как отмечает экономический историк Чарльз Киндлбергер, «нет ничего более тревожного для благополучия и здравости суждений, чем встреча с разбогатевшим другом»⁵.

Писатели и историки на протяжении столетий твердили, что люди используют могучий человеческий интеллект вовсе не для беспристрастного познания мира, а скорее для того, чтобы рационализировать соответствие фактов своим эмоциональным предубеждениям. В книге журналиста Дэвида Халберстэма «Лучшие и самые умные» наглядно показано, как самые блестящие политики Америки тешили себя иллюзиями относительно военного вмешательства в дела Вьетнама (к слову, эта склонность вновь проявляется сегодня: наши недавние зарубежные приключения говорят о том, что мы не смогли успешно освоить эту кривую обучения)⁶.

За последние несколько десятилетий психологи накопили экспериментальные данные по поводу предпочтений, отдаваемых людьми рационализации перед рациональностью. Сталкиваясь с фактами и данными, которые противоречат нашим глубоко укоренившимся убеждениям, мы обычно нисколько не торопимся пересмотреть или изменить свои убеждения. Чаще всего мы избегаем противоречивых фактов и данных, а когда ускользнуть от них нет возможности, наши ошибочные оценки порой становятся жестче, и даже, что еще более удивительно, мы начинаем распространять их усерднее прежнего. Коротко говоря, человеческая «рациональность» представляет собой хруп-

кую крышку над бурлящим котлом уловок самообмана, что очень ярко и зримо продемонстрировал Маккей.

Собственное поведение Маккея служит доказательством того, что даже сугубо рациональные и хорошо информированные наблюдатели могут быть подвержены финансовой мании. Вскоре после публикации в 1841 году «Распространенных массовых заблуждений» в Англии вспыхнула финансовая мания, порожденная индустрией высоких технологий того времени, а именно железными дорогами, причем этот пузырь превосходил размерами упоминавшиеся выше пузыри в Париже и Лондоне в 1719–1720 годах. Инвесторы, расхватывая акции, способствовали тому, что длина английских путей выросла с двух тысяч миль в 1843 году до пяти тысяч миль в 1848 году; планировалась прокладка еще тысяч миль, но эти пути так и не были построены, а компании в конце концов обанкротились. Казалось бы, если кто и должен был предвидеть их крах, так это Маккей.

Увы, провидца из него не вышло. В годы этой мании он работал редактором в газете «Глазго Аргус», освещал продолжавшееся строительство железных дорог вполне оптимистично, а во втором издании «Распространенных массовых заблуждений» в 1852 году удостоил эту манию лишь краткой сноски.

Финансовые мании можно рассматривать как трагедию, подобно «Гамлету» или «Макбету»: выпукло прописанные персонажи, знакомая сюжетная линия, хорошо отрепетированные актерами реплики. Повествование контролируется четырьмя действующими лицами: это талантливые и беспринципные поборники финансовых схем; это доверчивая публика, которая покупается на посулы; это пресса, отчаянно раздувающая азарт; это, наконец, политики, которые одновременно суют руку в кассу и стыдливо отводят глаза от костра коррупции.

Первые, то есть махинаторы, следуют классическому трагическому пути Шекспира и, следовательно, являются

самыми интересными из персонажей. Большинство здесь составляют даровитые и трудолюбивые провидцы, которые раньше других интуитивно осознают выгоды для общества от внедрения новой технологии. Осуществляя свои замыслы, они становятся богатыми и могущественными; в капиталистическом обществе, которое судит людей по богатству, они делаются, так сказать, львами своей нации. Когда мошенническая схема наконец лопаается, эти люди оказываются опозоренными банкротами и обычно (но не всегда) чудом избегают тюремного заключения.

Публика предстает легкой добычей, падкой на уговоры красноречивых и харизматичных мошенников. Осознанные инвестиции требуют редкого сочетания математических способностей, технологических знаний и, что наиболее важно, практического понимания экономической истории. Но люди в массе своей предпочитают, как правило, данным и фактам красивые истории; сталкиваясь с подобными вызовами, они обычно прислушиваются к мнению окружающих и убедительным рассказам, среди которых, возможно, приятнее всего история о легком способе разбогатеть посредством вложения средств в новые технологии.

Пресса становится жертвой мошенников аналогично широкой публике. Журналисты состязаются друг с другом в том, кто бойче и красочнее опишет революционные начинания блестящих бизнесменов, которые с пугающей частотой попадают на обложки журналов — сначала как герои, а затем как обвиняемые и преступники.

Наконец, финансовые мании подчиняют себе амбициозных политиков, чьи репутация и популярность подкрепляются экономическим процветанием, которое возникает на короткий срок благодаря спекулятивным схемам; позднее политиков нередко застают за набегами, образно выражаясь, на банку с печеньем.

При это сам нарратив финансовых маний варьируется не слишком сильно. Большинство спекулятивных схем

строится с учетом двух факторов — поразительных новых технологий, сулящих процветание для всех, и легкого кредита. Сегодня в США не более 10 процентов денежной массы состоит из фактически находящихся в обращении банкнот и монет; остальное существует в форме кредита, который создается банковской системой в определенных пределах по собственному желанию. Это, в свою очередь, обуславливается тем, насколько оптимистично настроены банки, ипотечные компании и другие кредиторы в отношении погашения долгов. Перед нами настолько парадоксальное и шокирующее зрелище, что нелишним будет повторить: именно банки печатают деньги. В самом деле, они столь же маниакально-депрессивны, как и публика, которой они служат, и в разгар эйфории банки часто раздувают пламя спекуляций, самоотверженно «зарабатывая деньги», что наиболее ярко проявилось, например, в преддверии финансового кризиса 2007–2009 годов.

Для пузыря характерны четыре важнейших признака. Во-первых, финансовые спекуляции начинают доминировать над всякой деятельностью, исключая только обыденные социальные взаимодействия; везде и всюду люди при встречах обсуждают не погоду, семью или спорт, а какие-то акции и вложения в недвижимость. Во-вторых, разумные профессионалы бросают надежную, хорошо оплачиваемую работу и берутся спекулировать вышеупомянутыми финансовыми активами. В-третьих, здравый скепсис наталкивается на яростное сопротивление; хотя всегда имеются те, кто, будучи достаточно взрослым и памятьливым, уже видел исполнение такой пьесы и знает, каков будет финал, их предупреждения отменяют с презрением и насмешками (в последние десятилетия обычно доводится слышать sacramентальные четыре слова: «Вы просто не понимаете». И последний признак: обычно спокойные наблюдатели начинают давать диковинные финансовые прогнозы. Согласно этим прогнозам, цены на активы не просто

должны увеличиться или уменьшиться на 10, 20 или 30 процентов за определенный срок, но удвоиться или утроиться (или прибавить лишний ноль к итоговой сумме).

* * *

Помимо трех глав, посвященных финансовым маниям, в «Распространенных массовых заблуждениях» мы находим три длинные главы с описанием религиозных маний — одна по библейским пророчествам, вторая по крестовым походам и третья о преследовании ведьм. Может показаться, что религиозные и финансовые мании имеют мало общего между собой, однако лежащие в их основе причины сходны: это желание улучшить свое благополучие в этой или следующей жизни. Факторы, усиливающие распространение финансовых и религиозных массовых заблуждений, также схожи: это жестко запрограммированная человеческая склонность к подражанию, фабрикация и потреблению убедительных историй — и стремление к обретению статуса.

Религиозные мании выглядят почти неотъемлемой чертой человеческой истории. Довольно недавний пример нам дает трагедия храма Солнца*. Вечером 4 октября 1994 года жителей швейцарской деревни Шейри испугало пламя над фермерским домом, что стоял на склоне горы над поселением. Прибывшие пожарные увидели странное и жуткое зрелище: двадцать два мертвых тела, большинство в красных, черных или белых плащах, несколько женщин в золотых. Все жертвы, кроме трех, были застрелены, вдобавок у десяти на головах были пластиковые пакеты. Большинство погибших лежало кружком, головами наружу; на полу валялись гильзы и пустые бутылки из-под шампанского.

* Орден храма Солнца или орден Солнечного храма — неогамплиерская секта в Швейцарии. Согласно доктрине секты, спастись от неминуемого конца света было возможно, только очистившись самоожжением в «пламени Солнца»; это искупление якобы переносило праведных на Сириус. — *Примеч. перев.*

Это было только начало; за следующие два с половиной года в Швейцарии и Канаде выявили еще десятки жертв (убийств и самоубийств), их число составило в общей сложности семьдесят четыре человека. Все это были члены секты или их дети; все смерти, последовавшие за трагедией в Шейри, произошли через несколько дней после равноденствия или солнцестояния.

Секту возглавляли двое мужчин: загадочный, обаятельный и привлекательный сорокашестилетний бельгийский врач по имени Люк Журе, который в 1993 году бежал из Канады, где его обвиняли в заговоре и нелегальном хранении оружия, и семидесятилетний канадец французского происхождения по имени Жозеф Ди Мамбро. Среди потенциальных жертв оказались жена и сын Жана Вюарне, уважаемого французского спортсмена, чемпиона Олимпийских игр 1960 года в лыжных гонках (позднее он передал свое знаменитое имя международному производителю солнцезащитных очков)*. Перед гибелью младший Вюарне сказал репортеру: «Знаете, разговоры о жизни и смерти начинались снова и снова. Журе объяснял, что бояться нечего, наоборот, надо радоваться. Я начал чувствовать себя близким к самопожертвованию»⁷.

Последних жертв храма Солнца обнаружили 24 марта 1997 года; двумя днями позже полиция на ранчо Санта-Фе, недалеко от Сан-Диего, нашла тела тридцати девяти членов другой эсхатологической религиозной секты — секты Небесных врат**, которые тоже свели счеты с жизнью при-

* Имеется в виду бренд «Вюарне» французской компании «Спороптик Пулье». — *Примеч. перев.*

** Американское религиозное движение, основанное «свидетелями Откровения» Бонни Неттлс и Маршаллом Эпшлуайтом; в середине 1970-х численность группы насчитывала несколько сот человек. Учение этой секты гласило, что праведники способны переродиться в сверхъестественных внеземных существ, пройдя сквозь «небесные врата» на «следующий уровень эволюции». — *Примеч. перев.*